В. К. Мамонтов[1]

МЕДВЕДЬ, ПОХИЩАЮЩИЙ ЕВРОПУ

Тема нынешних Лихачевских чтений — БРИКС во всех его цивилизационных проявлениях. Совершенно точно есть специалисты, которые лучше расскажут о введении в будущем странами БРИКС единой валюты, о том, как сочетаются их потенциалы, как будут развиваться торговые отношения между этими странами и остальным миром и т. д.

Поскольку я журналист, сфера моих интересов широка. В журналистике я специалист в силу определенного опыта, но во всех остальных сферах привык скорее спрашивать, чем отвечать, коллекционировать мнения и на основании собравшейся за мою жизнь и практику довольно серьезной и обстоятельной коллекции делать те или иные выводы. Если они покажутся интересными коллегам или читателям — хорошо.

Что касается БРИКС, то есть один вопрос, который неотступно меня преследует. Коротко сформулировать его не так просто, но попробую объяснить. Мне вполне понятно, как будет осуществляться наша совместная экономическая и иная жизнь, например, с Китаем. Во-первых, тут срабатывает житейский опыт. Я родился и вырос на Дальнем Востоке. Китай совсем рядом. Приграничная торговля, взаимное проникновение, какие-то поездки, внезапное, или не особо внезапное, ухудшение отношений с Китаем, которое, безусловно, зависело от глобальных перемен в наших странах. А все это вместе позволило мне сформировать какую-то картину того, как это будет происходить практически и уже происходит сегодня.

Любой житель Дальнего Востока скажет, что взаимоотношения с Китаем — очень близкие, тесные, понятные, иногда благостные, иногда тревожные, но всегда на кончиках пальцев, как говорится, — существовали издавна, с тех пор как русские там поселились. Владивосток на самом деле еще в 1950–1960-е годы сплошь состоял из каких-то улиц, слободок, оврагов, падей (падь, как там говорят, — низкое место в городе) или сопок, которые, представьте себе, носили удивительные названия. Река, которая протекала неподалеку и на чьих берегах мы школьниками занимались спортивным ориентированием, называлась Лянчихе. А действие романа Александра Фадеева «Разгром происходило неподалеку от города под названием Сучан, который теперь, конечно, Партизанск, но тогда был Сучан. Владивосток, уже тогда очень красивый и своеобразный город, пересекали улицы Китайская, Пекинская, Суйфунская и т. д. Тогдашние старожилы помнили, что во Владивостоке китайцы когда-то были водоносами, заменяли собой водопровод. Кругом были китайские маленькие лавочки и магазинчики. Царское правительство этому не препятствовало, просто для

[1] Председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент ОАО «ИД „Известия“». Ведет авторские колонки в интернет-газете «Взгляд» и журнале «Фома». Автор книг «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Председатель Наблюдательного совета Агентства политических и экономических коммуникаций, директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Действительный член Академии телевидения России, член президиума Союза журналистов России. Награжден медалью «За строительство БАМа», почетным знаком «За заслуги в развитии печати и информации».

китайцев существовало одно-единственное ограничение, совершенно малюсенькое: они должны были потратить все, что у нас заработали, — хоть на лесозаготовках, хоть торговлей бумажными фонариками, — тут, в России. Всё.

Те, кто застал расцвет советско-китайской дружбы в 1950-е годы, помнят, что Китай снабжал всех жительниц Владивостока одинаковыми (только цвета были разные) пиджаками. Не знаю, как называлась ткань — что-то вроде джерси; пиджаки вполне симпатичные, с красивыми узорами. Это было мило, но, в общем, немного странно, потому что модель была одна. В квартирах у владивостокцев, буквально у каждого, стоял китайский божок, который, если его тронешь, покачивал головой и, видимо, напоминал нам о бренности всего сущего. Мы ели китайские яблоки. Под Новый год дом наполнялся запахом китайских мандаринов. Они были пересыпаны шелухой: яблоки и мандарины так хранились — пересыпанные шелухой, наверное, отходами вылущенного риса. Рис шел китайцам на еду, а шелуха — на упаковку яблок — хороших, просто прекрасных яблок, которые я отлично помню.

Такое ощущение, что мы рядом, что есть взаимное проникновение, оно было для меня, дальневосточника, всегда понятно. Более того, когда я повзрослел, то заинтересовался китайской литературой, искусством, в конце концов, иероглифами, которые русский народ припечатал названием «китайская грамота», — это тоже удивительная история. В университете у нас были так называемые китаисты и японисты, которые все это внимательнейшим образом изучали. Я видел перед собой какую-нибудь прекрасную китаистку и думал — боже мой, как она научилась ловко разбираться в этих красивых, но непонятных знаках и видеть разницу между ними — иногда очень тонкую. А мы всё проходим теорию и практику советской печати, и конца и края этому не видно. Как мы их осваиваем — это более или менее понятно, но как эта милая девушка каким-то образом познает вот это сложное и совершенно другое — ментально, тактильно, нейронно другое? Это для меня долгое время оставалось загадкой.

Что касается каких-то вещей менее трогательных, к примеру конфликта на острове Даманском, то с ними пришло понимание, что у нас есть не только привычка жить рядом и взаимно полезное сосуществование, но и серьезные проблемы. Да и привычка-то хрупкая, не навек. У Андрея Тарковского в фильме «Зеркало» это очень сильно сказано, с художественной полнотой. Распри тоже к нам пришли из далекой истории. Даманская проблема появилась не вчера и не только со смертью Иосифа Сталина и новой политикой России, которую не понял и не принял Мао Цзедун.

В Китае, как знают те, кто серьезно изучал нашу историю, ту же реку Амур называли рекой Черного дракона и считали своей. Они помнили наших прославленных первопроходцев и начальников, посланных царем править этими новыми, приращенными землями России. И начальники эти, генерал-губернаторы, заявляли, что Амур — это наша река, а китайцев называли так, как в цивилизованном обществе не принято говорить (не буду и я сейчас). Мол, их можно только пускать на их берег, «ноги мочить и скотину поить». Вот такая была позиция.

Хочу заметить, что Владимир Арсеньев, будучи безусловным патриотом России, одним из важнейших исследователей, офицеров, военных инженеров и строителей, не в том смысле, что он клал кирпичи, а в том, что он строил Российское государство, в том числе и в этих регионах, ничтоже сумняшеся подложил большую мину. Как ее разминировать и выбраться из этой ловушки, потом решали наши идеологи и картографы. Если вы почитаете Арсеньева и посмотрите на старые карты, то обнаружите те самые реки — Лянчихе и прочие, и их там сотни. И хребты, и распадки, и урочища уже носили китайские названия. Это не совсем Китай, мы не будем сейчас в это углубляться, это государство чжурчженей, которое Китай завоевал, но у него тогда не было сил на установление над этими территориями прочной власти.

Ну так и у России когда-то не было этой прочной власти. После революции, например, там была образована «буферная» Дальневосточная республика, и с ней быстро начали иметь дело американцы. Тогдашний президент Америки Уоррен Гардинг, противник признания Советов, даже приглашал руководство Дальневосточной республики на большую конференцию по будущему Тихоокеанского региона. Так что у Джо Байдена много предшественников. На этой конференции были и японцы, и китайцы, и представители маленьких островов. В том числе по официальному приглашению поехала и делегация Дальневосточной республики. Правда, приглашение не касалось некоторых важных заседаний и т. д. Но они не в предбаннике провели это время, а числились как делегация, которая получила официальное приглашение, но не на все мероприятия.

Я хочу сказать, что ощущение какой-то связи, исторической или иной, со страной, которая вместе с Россией является ядром и центром БРИКС, лично у меня внутри сформировано. И тем не менее осмелюсь заявить, что оно все равно находится не на переднем плане моего сознания. Это я сейчас пишу только о себе и не претендую на обобщения. Я размышляю над этим. Даже для меня, дальневосточника, не так просто сказать: все, мы не Европа, мы повернули на Восток, и нам надо с этим жить, это наша новая политика, а там видно будет. В силу определенных причин я смотрю на все эти вещи широко открытыми глазами (слегка перефразируя Стэнли Кубрика).

Но тем не менее вопрос для меня остается открытым, я не в экономике БРИКС разбираюсь, а просто пытаюсь понять, надо ли это делать и как выпутаться из той интересной ситуации, что еще какое-то время назад мы довольно активно проникали в Европу, заново прорубали в нее окно, очень хотели туда попасть. Другое дело, что, как выяснилось, нас туда, во-первых, не пускают, а во-вторых, пытаются нас победить, сделать из нас колонию или полуколонию. Мы внезапно сделали для себя это открытие.

Были люди, которые и в 1960-е, и в 1990-е годы говорили об этом и предупреждали. Мы их не слушали. Мы хотели быть европейцами. Какие у меня чувства по этому поводу и как я собираюсь их преодолевать?

И надо ли? Давайте посмотрим: что в Европе для меня важно и ценно? Я знаю о технологиях, понимаю, что они современные и уровень научного и технологического (оставим культурного) развития там высок. Там есть, что нам можно перенять. «Глазами жадными цапайте / все то, / что у вашей земли хорошо / и что хорошо на Западе», — писал Владимир Маяковский.

Так было почти всегда. Весь успех российской индустриализации заключался в том, что большевики, и Иосиф Сталин в частности, сделали хорошо то, что Российская империя непозволительно долго делала плохо. Если вы вспомните нашего великого Льва Толстого, то в «Анне Карениной» есть эпизоды, которые посвящены не душераздирающей измене Анны своему 48-летнему старику-мужу, а другим персонажам, занятым другими делами. Там происходит событие — установка, по-моему, молотилки в имении Константина Левина. Но ее изобрел и изготовил не Левин, он только позаимствовал эту молотилку в Англии. Европа всегда была поставщиком молотилок, знаний (о ружьях и кирпиче), в конце концов, людей — продвинутых кадров. Этим воспользовалась Россия, которая исправно отдавала Европе долги в других областях. Например, когда какой-либо наш европейский союзник самостоятельно не мог победить своего врага, туда отправлялись наши доблестные воины и побеждали, кого следует. На самом деле они туда отправлялись, только если это совпадало с интересами России, как их видели тогдашние руководители: царь, царские советники и т. д.

Геополитическую обстановку они тогда понимали не всегда адекватно, но в решающем большинстве случаев мы действовали в собственных интересах, расширяя свое влияние и пр. За счет в том числе сотрудничества и единения с той или иной частью Европы.

Зайду с другой стороны и опять скажу о личном опыте. Меня зачастую обвиняют, что, о чем бы я ни говорил и ни писал, я сбиваюсь на то, как мы с моим другом некоторое время восстанавливали автомобиль «Москвич-407» 1959 года выпуска. Я так полюбил эту историю, что везде стараюсь ее упомянуть. Но на самом деле она действительно для меня очень важна, потому что, разбирая и собирая заново эту машину, мы лучше поняли, как был устроен СССР, что мы взяли у тогдашнего Запада, что сами переделали, что улучшили, что не смогли. А там есть такие крошечные детальки, в прямом и переносном смысле, которые показывают, что подтачивание базовой европейской, западной, восточной — все равно — модели под российские реалии — это очень важно.

Наши инженеры вообще молодцы, они никогда слепо не копировали, а всегда вносили, по тем или иным причинам, свои изменения. Иногда просто прекрасные, иногда совершенно фантастические. Этот тот вклад, который мы действительно можем сделать, это наша сноровка и сообразительность. Но сначала на заводе малолитражных автомобилей доблестные инженеры действительно скопировали «опель» и назвали его «Москвич-401». По настоянию Сталина. Инженеры уверяли: «Иосиф Виссарионович, мы разобрали, развинтили этот „опель“, ничего особенного, мы лучше сделаем». А он (по легенде) говорит: «Нет, вы сначала сделайте „опель“ один в один, я вам скажу: „Молодцы!“, если он поедет. Или не скажу. А потом делайте следующий». В итоге, кстати, так и вышло. «Москвич-407» — это полностью российское произведение. Там каждая деталь на что-нибудь похожа, ну как любая в любом автомобиле. Но при этом она наша. И когда, наконец, эту машину выпустили за границу, была резонансная история. Даже по Америке она немножко поездила, 3 штуки. Но потом сбили Фрэнсиса Пауэрса и попытки продать американцам «Москвич» провалились. Не стали лицемеры-американцы покупать «Москвич», раз сбивают их «метеоролога» Пауэрса: не то, что дружбы, — мирного сосуществования пока не получается.

А когда «Москвич» наконец доехал до Англии, то английские автомобильные журналы и тогдашние мастера английской автомобильной журналистики с изумлением писали, что да — есть кое-какие претензии к комфорту, он немножко, так сказать, Russian, но, боже мой, ему не страшны плохие дороги! Я понимаю, конечно, что плохие дороги в Англии — это не то, что плохие дороги в России. Но то, что и по плохим, и по хорошим, и по любым дорогам этот наш новый автомобиль в ту пору прекрасно передвигался, — это очень важно. Понятно, что мы делали собственные машины, и даже ракеты и космические корабли. И атомные станции, и атомный ледокол «Ленин» мы сотворили каким-то образом, иногда волшебным, иногда удивительным, при этом одновременно с трагическим делом четы Розенберг. Игорь Курчатов сверялся с предоставленными ему документами, и это помогло быстрее догнать американцев. Он обладал чужими знаниями, помимо своего собственного высокого интеллекта. И даже наша злополучная революция 1917 года тоже в известном смысле заимствована оттуда, переиначена, выстроена по-новому, и теперь это наш уникальный опыт, над которым кто-то смеется, кто-то плачет. Строительство коммунизма в отдельно взятой стране — конечно, это мы, кто же еще?

Если посмотреть на универсальный кодекс тогдашних европейцев, на их установки, ценности, цензуру, технологический уровень и вообще подход к жизни, видно, что они на самом деле ушли недалеко от наших. Посмотрите под этим углом послевоенные фильмы 1950–1960-х годов — наши, американские и европейские, а особенно итальянские, где масштаб бедствия в ходе Второй мировой войны был побольше, чем у американцев, и это мягко сказано. А у нас… Но тем не менее мы увидим множество совпадающих ситуаций, проблем, материальных свидетельств, совпадений даже по менталитету. Но только если идеологию не брать, а в моральных аспектах… Сходство (ханжество) абсолютно близнецовое. До какой степени актрисе можно оголить плечо и так далее — все это было очень похоже и вполне соотносилось с западной цивилизацией.

Догнать и перегнать — кого? Конечно, не Китай, не Индию, не Бразилию. И уж точно не Иран, потому что замечательные фотографии, на которых иранские студентки в коротких юбках сидят на солнышке где-то в Тегеране, демонстрируют проникновение ев-

ропейских ценностей даже в такие фундаменталистские общества. Эта фотография никуда не делась, любой любопытный и любознательный может найти ее в Интернете.

Есть точка зрения, что мы были такими наивными, несчастными, ничего не видели, и поскольку у нас было мало хорошей колбасы, то мы на эту колбасу и повелись. Я имею в виду, уже позже, в 1980–1990-е, в перестройку. С одной стороны, нам действительно не хватало колбасы, с другой — мы хотели слушать не вокально-инструментальный ансамбль «Лейся песня», а «Битлз», «Лед Зеппелин» или «Пинк Флойд» или еще что-то, а нам не давали. Мы хотели носить туфли на платформе, а их не выпускали, и т. п. У них свобода, а у нас нет свободы. Все это в значительной степени оказалось ерундой. Но прежде чем это оказалось для нас ерундой, у нас в головах это сложилось в ясное понимание, что нас обманули, а жизнь прошла. На то, чтобы это понять, у некоторых ушла целая жизнь.

А какая-то часть поколения этого всего и не заметила, они были просто заняты выживанием, им некогда было думать про «Пинк Флойд». У них семья, дети. Дети покидали семьи, и они не понимали, почему не могут обеспечить нормальное будущее себе, своим детям и внукам. Почему им надо уйти с работы, с завода? Завод закрылся, потому что никому не нужен, хотя, как выяснилось позже, ничего подобного, он был очень нужен! Только надо было его еще раньше реконструировать, переделать, сделать современным и т. д.

Какая-то часть всей этой истории, конечно, означает то, что нас обманули. Что с нами провели спецоперацию по закрытию одной очень интересной страны, в которой мы родились. И спецслужбы поработали, и ЦРУ, и «Голос Америки» и т. д. Не без этого. Но при этом у нас еще был внутренний настрой если не на приятие тех европейских ценностей, то, по крайней мере, на их понимание. Скажем, французских и итальянских фильмов шло много, самых разных — и комедий, и социальных, и драм. И «Мари-Октябрь», и «Фантомас», и «Вы не все сказали, Ферран», и все что хотите. У нас была представлена даже «новая волна», Клод Шаброль, уж не говоря о Клоде Лелюше, «Мужчине и женщине» и т. д. И когда мы смотрели на эту жизнь… Да, у нас живут не так, но в то же время — ничего особенного, люди нам понятные, а может быть, даже и близкие… Мы с ними, конечно, хлебнули горя, воевали и вместе с ними, и против. Но телевизоры у нас работали на французской системе, и это образ, а не только факт.

То, что происходит сейчас в Европе, то, что Европа отказывается от самой себя, от собственных ценностей и установок, — это трагедия, на мой взгляд. Нынешние карлики еще вчера были гигантскими империями. Как они себя вели — это, понятно, ужас. Что Британская империя творила в своих колониях, и французы, и все... Но при этом там были великие просветители и ученые. И даже плохие ученые, которые там по тем или иным причинам не прижились, ехали к нам. И здесь, между прочим, кто-то даже расцветал, а некоторые приложили значительные усилия и вошли в историю как создатели Российской академии наук. А писатели, художники? Да, конечно, Валентин Серов превзошел всех Ренуаров, вместе взятых (это мое частное мнение, не навязываю его), но это означает, что наши стояли на плечах великих. И Карл Брюллов, когда писал Италию, итальянскую девушку в винограднике, понимал, вслед за кем он это делает. Это тоже важно. Виноградник этот у нас сейчас в личности каждого, сознает он это или нет.

А теперь вдруг раз — и БРИКС. И что нам делать со всем этим наследием? Не надо ли нам его отбросить, отключить? Не надо этого делать. Надо умудриться быть мудрее, простите за тавтологию. То, что мы накопили при помощи Европы, воюя с Европой, с тем, что мы сейчас называем Западом… Не хочу говорить про американцев, это государство заслуживает отдельного разговора, но сейчас не о нем.

Так вот, накопленное во взаимодействии с Европой, переработанное нашим умом и опытом, «открытиями чудными», потом, кровью, слезами, радостью, вдохновением, не надо внезапно выбрасывать. Там у них умопомрачение в сфере традиционных ценностей, они легкомысленно отказываются от христианства, которое веками цементировало Европу.

Но, несмотря на все беды и войны, которые там происходили, еврочеловек так устроен, он такое существо, по Эриху Марии Ремарку, которое воюет, убивает других, выполняет кем-то поставленные перед ним задачи, но при этом пишет стихи, неотрывно, мучительно размышляет о своем месте в жизни. О том, что он, собственно говоря, делает, куда идет. Шолохов именно поэтому — европейский писатель. Он казачий писатель, русский, советский — что хотите, но он европейский писатель.

Он не китайский писатель.

Поэтому нам, когда поворачиваем на восток, надо кое-что прибрать к рукам. Европу раньше кто похищал — бык? Считаю, медведь, в свою очередь, должен похитить Европу. Нетрадиционные сексуальные отношения оставить им — бог с ними, если им так больше нравится. Но цивилизацию медведю придется спасти.

Может, это в целом и есть задача БРИКС? И дракон нам поможет — вместе с Рикки-Тикки-Тави? Когда возникает проблема — мы создаем комиссию, верно? Думаю, надо при БРИКС создать комиссию по инвентаризации европейских ценностей — и начать их беречь. Нам надо сберечь эти европейские ценности, как мы в свое время сберегли Дрезденскую галерею. В широком виртуальном смысле, эти подлинные европейские ценности нам надо у Европы, коль они ей не нужны, забрать. Унаследовать.

Я как-то, когда у нас обострились отношения с Британией, писал — да провались она. Хотя я очень любил ездить в Британию, в Лондон — это просто родной город. Сидели там, пили лондонское пиво, пытаясь понять, чем же оно хорошо, и т. д. В 8 утра ходили в паб, единственный в Лондоне, который специальным королевским указом открывался в 8 утра (все остальные в 11:00), потому что рядом мясной рынок, и рубщики мяса, которые заканчивали свою работу к 8 утра, могли пропустить стаканчик. Конечно, ныне паб закрыт. Веганы, что ли, постарались? Я бы его не закрывал никогда, просто как европейскую ценность. Может,

его к нам сюда куда-нибудь перенести, открыть рядом с каким-нибудь мясным рынком.

Впрочем, вернемся к более утонченным вещам. Европейцы думают, что могут нас отменить, не пустить, игнорировать и нанести нам урон. Они пока не понимают, что, поворачивая на Восток, изучая иероглифы, любуясь на просвет прекрасным китайским фарфором, мы должны решить одну важнейшую задачу. Русскому воину, русскому человеку, русскому ученому, русскому журналисту, кому угодно, эта задача по плечу. Я абсолютно уверен — мы должны спасти еще и Европу. Возможно, она в лучших своих проявлениях пока переедет к нам в сердца, в души, в умы. Она переедет и там поживет. Если там одумаются, если мы все хором не сгорим, не превратимся в серый ядерный пепел, а такое тоже возможно, то мы потом эти сокровища Европе вернем, как Дрезденскую галерею. Если захотят. С ними ничего не произойдет, когда они будут у нас в сердцах, в душах. Только лучше станут. Мы их еще и отреставрируем за свои деньги. Мы еще эту, так сказать, пыль веков, за которой уже ничего не видно, может быть, аккуратно сотрем. А может быть, оставим как есть, потому что эта пыль, эта патина, эти кракелюры — это тоже ценность. И мы это понимаем. Только вы, граждане европейцы, почему-то перестали это понимать.

Вот почему мы поворачиваем на Восток. Потому что вы не оставляете нам выбора.

А в конце, в последнем абзаце, выражу сомнения — в самом себе, в тексте, который только что представил вашему вниманию. И ничего страшного: это очень по-европейски. Может быть, дело в том, что нам надо с такой же любознательностью и с таким же внутренним чувством, которое всегда отличало русского человека, отнестись уже не к Европе, а к Китаю, Индии, Бразилии, и к новым задачам, которые перед нами неожиданно были поставлены. Возможно, мы сами их так не формулировали, но сама жизнь каким-то образом так устроила. У нас часто сначала что-то происходит, а потом мы это осмысляем.

Даже крымская история до сих пор ведь еще ждет своего Льва Толстого. Говорят, что Крым вернулся в родную гавань. А может быть, и Россия сейчас возвращается в родную гавань? В ту самую бухту Золотой Рог, которая мне так близка. И я сейчас не про Стамбул. Во Владивостоке есть бухта Золотой Рог, красивая бухта, которая тоже носила, между прочим, китайское название, но стала Золотым Рогом, что, кстати, калька с другого, фактически европейского Золотого Рога.

Теперь он наш.